

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)я44
М91

Haruki Murakami
Chūgoku-yuki no surō bōto
© 1983 by Haruki Murakami

Перевод с японского *А. Замилова*

Оформление серии *К. Гусарева*

Мураками, Харуки.
М91 Медленной шляпкой в Китай / Харуки Мураками ;
[пер. с англ. А.Т. Замилова]. — Москва : Эксмо, 2019. —
192 с.

ISBN 978-5-04-101654-8

«Медленной шляпкой в Китай» — первая книга короткой прозы японского классика современной мировой литературы Харуки Мураками. «В ней представлена большая часть того, что можно назвать моим миром», — говорил об этой книге сам автор. Безумный стилистический фейерверк, пронзительная нежность, трагизм и юмор мировосприятия, романтический сюрреализм будущего автора «Хроник Заводной Птицы» и «Послемрака».

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)я44

ISBN 978-5-04-101654-8

© А. Замилов, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Медленной шлюпкой
в Китай

На шлюпку в Китай
Я тебя посажу,
Чтоб остаться с тобою вдвоем...

*Старая песня*¹

¹ Песня «Медленной шлюпкой в Китай» написана в 1948 г. американским композитором и поэтом-песенником Фрэнком Генри Лёссером (1910–1969). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

1

Когда я впервые познакомился с китайцами?

Рассказ мой начинается с этой археологической проблемы. Всевозможные раскопки обзаводятся бирками, сортируются и анализируются.

И все же — когда я впервые познакомился с китайцами?

Наверное, в 1959 или 1960-м. Разницы нет. В том или ином году — отличие невелико. А если быть точным — ничтожно. Для меня оба эти года — что близнецы-уродцы в плохо сидящей одежде. И если бы в реальности можно было сесть в машину времени и вернуться туда, мне бы пришлось попотеть, чтобы отличить один год от другого.

Но даже при этом я терпеливо продолжаю работу. Раскоп ширится, новые артефакты, хоть и в скромных количествах, но появляются.

О! Точно! В том году чемпионский титул в тяжелом весе оспаривали Йоханссон и Петерссон. А раз так, достаточно пойти в библиотеку и проверить спортивную рубрику в старых газетных подшивках. Тут-то все и выяснится.

На следующее утро я сел на велосипед и поехал в ближайшую муниципальную библиотеку. Сбоку от входа в здание почему-то располагался курятник, где пять куриц завершали то ли поздний завтрак, то ли ранний обед. Погода была великолепной, и, прежде чем войти, я присел на плоский камень перед курятником — выкурить сигарету. А пока сигарета курилась, я неотрывно наблюдал, как птицы едят. Куры неугомонно клевали зерно. Они это делали так суетливо, что походило на древние кадры дерганой кинохроники.

После выкуренной сигареты во мне что-то однозначно изменилось. Почему — не знаю. Однако не понимая, что именно, отвлекшись от пяти куриц и одной сигареты, такой весь новоиспеченный, я очертил перед собой две проблемы.

Первая: кого интересует точная дата моей первой встречи с китайцами?

Вторая: что мы — я и подшивка старых газет на столике в читальном зале — еще должны между собою понять в этот солнечный день?

Резонные проблемы. Перед курятником я выкурил еще одну сигарету, затем сел на велосипед и попрощался и с курами, и с библиотекой. Потому как нет имени у парящей в небе птицы, у моей памяти нет дат.

Впрочем, дат нет фактически у *всей* моей памяти. Память у меня неточна. Порой из-за этой неточности я ловлю себя на мысли, что должен кому-то и что-то объяснить. Но когда дело доходит до объяснения — не знаю, что именно. По-моему, точно понимать, что может объяснить неточность, — маловероятно.

Как бы то ни было, память моя поэтому жутко туманна, если так можно сказать. Начало стремится назад,

конец метит вперед, меняются местами мысли и факты, иногда смешиваются мой личный и какой-то посторонний взгляд. Такое даже памятью назвать уже нельзя. Поэтому за все свои школьные годы (шесть странно-печальных лет послевоенной демократии, империя уже закатилась) точно я могу вспомнить всего два события. Первое — эта история с китайцами, еще одно — бейсбольный матч в какие-то летние каникулы. Тогда я играл в центре, и в третьем иннинге у меня случилось сотрясение мозга. Случилось, разумеется, не на ровном месте. Для матча нашей команде выделили только угол стадиона старшей школы, что и стало главной причиной моего сотрясения. Короче, преследуя со всех ног улетающий за мою базу мяч, я ударился лицом о столб баскетбольного щита.

Открыв глаза, я понял, что лежу на скамье под какой-то полкой с виноградом, день клонится к закату; первое, что я почувствовал, — свежесть воды, окропившей сухое бейсбольное поле, и запах новой кожи от перчатки, подложенной мне под голову. И вялую боль в виске. Я что-то бормотал. Не помню. Потом приятели рассказали мне, пряча глаза, что именно. Вот что я говорил:

— Все в порядке — если потряхнуть пыль, есть еще можно.

Откуда взялась эта фраза, до сих пор не могу понять. Видимо, приснилась. Может, это был сон, в котором я нес хлеб для обеда нашего класса и на лестнице упал, растеряв весь хлеб? Больше из этих слов я ничего представить себе не могу.

Эта фраза по сей день — спустя двадцать лет — не выходит у меня из головы.

Все в порядке — если стряхнуть пыль, есть еще можно.

И вот, удерживая эти слова в голове, я думаю о своем существе, о том пути, который мне необходимо пройти. Еще я думаю о той точке, к которой, в конечном итоге, естественным образом сводятся все мысли, — о смерти. Размышления о смерти для меня — как минимум, занятие жутко созерцательное. И смерть почему-то напоминает мне о китайцах.

2

В ту начальную школу для китайских детей, расположенную у сопки портового города (название школы я напрочь забыл, поэтому для удобства буду называть ее китайской; это, конечно, странное название, но, думаю, меня простят), я попал, потому что в ней назначили проведение подготовительного теста. Школ отобрали несколько, но из нашей на тест в китайскую отправили меня одного. Причины не знаю. Скорее всего, какая-нибудь канцелярская ошибка. Из нашего класса всех направили в ближайшую к нам школу.

Я останавливал всех подряд и расспрашивал об этой школе. Но никто ничего о ней не знал. Говорили только, что ехать до нее полчаса на электричке. А поскольку тогда я один никуда еще не ездил на электричках, то для меня поездка эта стала равносильна путешествию на *край света*.

Китайская школа на краю света.

Через две недели, в воскресенье утром я в страшно мрачном настроении наточил дюжину новых карандашей и, как было велено, уложил в полиэтиленовую сумку бэнто¹ и тапки. Осенний день был солнечный и даже несколько жарковатый. Мать заставила меня надеть толстый свитер. Я один сел в электричку и, чтобы не проехать нужную станцию, стоял всю дорогу у двери, внимательно разглядывая пейзажи за окном.

Я сразу узнал школу — даже не глядя на оборот экзаменационной карточки, где напечатали схему. Нужно было просто идти вслед за группой школьников, чьи сумки тоже раздувались от обедов и тапок. Колонны десятков, сотен школьников двигались в одном направлении по крутому склону. Странная картина. Они не пинали на ходу мячи, не срывали кепки у малышей — просто молча шли вперед. Их фигуры мне напомнили неравномерное вечное движение. Взбираясь по склону, я продолжал обливаться потом в толстом свитере.

Вопреки моим смутным представлениям, снаружи китайская школа мало чем отличалась от нашей; было видно, что со временем она тоже теряет лоск. Темные и длинные коридоры, застойный воздух... За две последние недели школа эта занимала все мои мысли, но увиденное меня разочаровало. Проходишь в изящные ворота — и перед тобой длинный изгиб мощеной тро-

¹ Бэнто — традиционный японский обед в коробочке с отделениями.

пинки среди кустиков, а на чистой воде пруда перед входом играют яркие лучи утреннего солнца. Вдоль школы в ряд высажены деревья, и на каждом — бирка с пояснением на китайском. Некоторые иероглифы я знаю, некоторые нет. Перед зданием — двор с квадратной спортивной площадкой, в углах которой непременно что-нибудь стоит: чья-то статуя, белый метеоящик, железный шест.

Я, как велели, переобулся на входе, как велели, прошел в класс. В светлой комнате ровными рядами стояли сорок аккуратных парт с откидными крышками, и на каждой клейкой лентой были прикреплены листки бумаги с номерами. Мое место оказалось в первом ряду у окна, точнее — самый первый номер в этом классе.

Доска была совсем новая, темно-зеленая, на кафедре — коробка с мелом и ваза, а в вазе — один цветок хризантемы. Все чистое и аккуратно расставлено. На пробковой доске на стене — ни чертежей, ни сочинений. Может, все это специально сняли, чтобы нам не мешало? Я сел на стул, выложил пенал и подстилку, подпер руками щеки и закрыл глаза.

Инспектор с пачкой листков для ответов под мышкой вошел в класс через пятнадцать минут. На вид ему было не больше сорока, он слегка прихрамывал и как бы подволакивал левую ногу.левой рукой инспектор опирался на трость. Похожую на те, из дерева сакуры, грубой работы, что продаются в сувенирных магазинах предгорий. Хромота инспектора выглядела так естественно, что бросалась в глаза лишь простота трости.

Сорок учеников начальных школ, глядя на инспектора, точнее — на листки для ответов, угомонились.

Поднявшись на кафедру, инспектор прежде всего положил пачку на стол, затем, тихо звякнув, сунул трость под мышку, проверил, нет ли отсутствующих, откашлялся и вскользь бросил взгляд на часы. После чего, опираясь на стол руками, словно поддерживая себя, поднял голову и уставился в угол потолка.

Молчание.

Тишина длилась пятнадцать секунд. Напряженные школьники, затаив дыхание, впивались глазами в листки на столе, пока хромой инспектор неотрывно смотрел в угол. Он был в светло-сером пиджаке, белой рубашке, галстук такой блеклый, что отведи взгляд — и тут же забудешь и цвет, и рисунок. Инспектор снял очки, не спеша протер линзы платком с обеих сторон и вернул очки на переносицу.

— Я назначен инспектором на ваш тест. Когда вам раздадут листки, оставьте их перевернутыми обратной стороной. Не вздумайте переворачивать без команды. Руки положите на колени. Когда я скажу «да» — приступите к заданию. За десять минут до окончания я скажу «осталось десять минут». Еще раз проверите, нет ли мелких ошибок. Когда я опять скажу «да» — конец. Перевернуть листки лицом вниз и положить руки на колени, ясно?

Молчание.

— Не забудьте также написать свое имя и экзаменационный номер.

Молчание.

Он еще раз взглянул на часы.

— А теперь есть еще десять минут. За это время мне хотелось бы с вами немного поговорить. Расслабьтесь.

В классе выдохнули.

— Я — учитель из этой школы, китаец.

Да, так я впервые познакомился с китайцем.

Но на китайца он совсем не походил. И это естественно. До тех пор я китайцев не видел ни разу.

— В этом классе, — продолжал он, — изо всех сил учатся такие же, как и вы, китайские школьники примерно одного с вами возраста... Как вы знаете, Китай и Япония — соседи. А чтобы все жили хорошо, прежде всего должны дружить соседи. Ведь так?

Молчание.

— Конечно, у двух наших стран есть что-то общее, что-то отличается. Есть то, в чем мы понимаем друг друга. Кое в чем — нет. Ведь такое бывает и у вас с друзьями. Какими близкими бы ни были друзья, есть то, что и они понять не могут. Верно? То же самое возникает между нашими странами. Но мы верим, что если стараться, мы непременно станем ближе друг другу. Но для этого мы должны прежде всего друг друга уважать. И это... первый шаг.

Молчание.

— Представьте себе. Если в вашу школу придет на тест много китайских детей. Так же, как это сейчас делаете вы, за ваши парты сядут китайские дети. Задумайтесь.

Недоумение.

— Утром в понедельник вы приходите в школу, садитесь на свои места. И вдруг замечаете, что столы исписаны каракулями и поцарапаны, по стульям размазана жвачка, нет одного из двух ваших тапок в парте. Что вы при этом почувствуете?

Молчание.

— Например, вы, — показал он на меня. Видимо, потому, что у меня был первый номер. — Вам это понравится?

Все посмотрели на меня.

Я, покраснев, замотал головой.

— Вы можете уважать китайцев?

Я кивнул.

— Поэтому, — он обернулся прямо ко мне; все взгляды наконец-то вернулись к кафедре, — писать на партах, размазывать по стулу жвачку, трогать вещи в партах нельзя. Понятно?

Молчание.

— Китайские школьники отвечают лучше вас.

— Да, — ответили хором сорок учеников. Точнее — тридцать девять. Я даже не смог раскрыть рта.

— А теперь поднимите головы и наберите воздух полной грудью.

Мы подняли головы и набрали воздух полной грудью.

— Уважайте себя.

Результаты теста двадцатилетней давности я забыл напроочь и помню лишь фигуры шагающих по склону школьников и того китайского учителя.

Спустя шесть-семь лет в такой же ясный приятный день я — выпускник старшей школы — шел с одноклассницей по тому же склону. Я был в нее влюблен. Что она думала обо мне, я не знаю. В любом случае, это было нашим первым свиданием. Мы вместе сходили в библиотеку и теперь возвращались. По пути зашли в кафе на склоне и выпили кофе. Там я рассказал ей историю о китайской школе. Когда я закончил, она захихикала:

— Поразительно! Я тоже сдавала тест в тот же день и в том же месте.

— Да ну?

— Правда! — Одноклассница налила сливки в тонкую чашку. — Только класс был другой. У нас такого монолога не было.

Она взяла чайную ложечку и, как бы заглядывая в чашку, несколько раз помешала кофе.

— У вас инспектором был китаец?

Она покачала головой:

— Не помню. Еще бы, я о таком даже не думала.

— А на парте писала?

— На парте?

— Каракули.

Она задумалась, прижавшись губами к краю чашки.

— Слушай, не помню, давно это было. — И она слегка улыбнулась.

— А помнишь, какие красивые были парты — они прямо сверкали? — спросил я.

— Да, пожалуй, так оно и было, — вроде безучастно ответила она.

— Как бы это сказать... По всему классу стоял запах *тишины*... Нет, правда, словно какая-то вуаль тонкая. И вот... — Я задумался, держа в руке ложку. — Сорок столов, все сверкают, доска тоже красивая такая, зеленая.

Мы немного помолчали.

— Не рисовала на парте? Или не вспомнишь?

— Нет, не вспомню, — засмеялась она. — Конечно, если вдуматься, я могла так сделать... Просто давно это было...